

УДК 930

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ: ИСТОРИЯ ДЕТСТВА¹

М. В. Ромашова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
romashovka@mail.ru

Дан обзор исследований по истории детства, опубликованных в 2011 г. Особое внимание уделено источниковедческим вопросам и комплексу источников, представленному в работах.

Ключевые слова: история детства, детские источники / документы, детские тексты, тексты для детей / о детях, елочная игрушка.

История детства – активно развивающееся научное направление в России. Это подтверждают и разработанная инфраструктура изучения детства², и число исследователей, занимающихся данной проблематикой, и количество сборников статей по истории и культуре детства, а также празднование первых юбилейных дат отечественным миром «детских» исследований: 50-летие выхода в свет монографии французского историка Филиппа Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке» и 10-летие с момента ее издания в России. К юбилеям были подготовлены и опубликованы специальные выпуски научных журналов³, обобщающие библиографии⁴, проведена международная научная конференция⁵, которая подвела промежуточные итоги изучения исторического феномена детства в России. Среди хвалебных речей звучали критические замечания в адрес отечественных исследователей, касающиеся чрезмерной увлеченности советским периодом, выбора явного, а значит вполне легкого для изучения «зазора» между официальной пропагандой о счастливом детстве и реалиями советской жизни, использования только законодательных и нормативных актов, делопроизводственных документов при реконструкции детства и детских проблем, хотя советский период, как полагают критики, богат разнообразными историческими источниками. Одна из исследовательниц, делавшая обзор детских штудий в России [Зеленина, 2008], поставила свой диагноз современным российским работам по истории детства: «скудость источников». Однако такой диагноз упрощает понимание многих источниковедческих вопросов изучения идеологии и представлений о детстве, институтов, детской культуры и повседневности.

В отличие от взрослого мира, который вполне осознанно оставляет после себя массу свидетельств, источники о жизни детей в прошлом оказываются настоящей редкостью. Это характерно для любого периода отечественной истории, наверное, за исключением 1920-х – середины 1930-х гг., когда в рамках педологии проводились масштабные исследования разных аспектов детской жизни: выявлялись общественные идеалы, отношение к Октябрьской революции, партии, комсомолу, пионерскому движению; изучались социально-политические, классовые, правовые представления детей и подростков; развивалась этнография детства (детских игр, фольклора и др.)⁶. Однако с запретом педологии и социологии в середине 1930-х гг. подобные исследования прекратились.

Постепенное признание истории детства как вполне состоявшегося научного направления⁷ не меняет ситуации: детские источники либо разбросаны по разным архивным фондам, либо находятся в частных семейных коллекциях, либо не сохранены вообще. Причины этого кроются как в особенностях советской архивной политики, направленной на сохранение официальной отчетной документации и личных материалов именитых людей, так и в отсутствии в течение долгих лет интереса к истории детей, чья жизнь не вписывалась в большие объяснительные исторические схемы. Дошедшие до нас источники представляют собой такую же иерархию, как и общество, к которому они относятся. Среди них есть своя элита и свои непривилегированные классы, например, источники о детях [Сальникова, 2007, с.71].

При отсутствии «детских» источников «следы» детей можно обнаружить в любом «взрослом» документе, свидетельстве, так как детские практики неразрывно связаны со взрослыми. Это касается и документов, относящихся к большой политике и к деятельности отдельных учреждений и институтов, включенных в процесс социализации детей. Как отмечают составители антологии текстов по истории детства «Городок в табакерке», нет источника, содержащего только «идеологи-

ческий» материал [Город в табакерке, 2008, с.9]. Однако в исследовании по отечественной истории детства, особенно советского периода, приоритет не должен быть отдан архивным источникам. В силу своей специфики они рисуют довольно мрачную картину⁸.

Переоценивая существующие документы и расширяя круг источников по истории детства, оставленных самими детьми, свидетельства, исследователи смогут закрепить их в корпусе источников по истории России.

Что собой представляют «детские источники»? Каково их видовое, содержательное, структурное и прочее разнообразие? Каков круг источников современных российских исследований по истории детства? Для поиска ответов на эти вопросы мы обратились к двум работам [Сальникова, 2011; Детство..., 2011], опубликованным в 2011 г. Их нельзя отнести к специализированным источниковедческим трудам, но с полной уверенностью можно причислить к «детским исследованиям». Почему выбор пал именно на них? Автором монографии «История елочной игрушки, или Как наряжали советскую елку» является один из инициаторов «детских исследований» в России – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой историографии, источниковедения и методов исторического исследования Казанского федерального университета Алла Аркадьевна Сальникова⁹. Каждая ее работа вводит в научный оборот новый круг источников, проблематизирует их изучение в рамках российской истории. Сборник научных статей и сообщений «Детство в научных, образовательных и художественных текстах», вышедший под редакцией А.А.Сальниковой, интересен тем, что представляет источниковедческие предпочтения ряда авторов в выборе текстов по истории детства и методов работы с ними.

Монография А.А. Сальниковой «История елочной игрушки...» в какой-то степени продолжает «детские исследования», представленные в монографии «Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования» (2007). Это была первая большая работа по истории детства в России, написанная отечественным исследователем¹⁰. Историк Б. Эклоф так охарактеризовал ее: «Книга Сальниковой – эта работа является обязательным чтением для каждого, кто занимается историографией детства, а в особенности методологическими проблемами, касающимися “детских текстов” и попыток сделать их центральным материалом для истории детства» [Эклоф, 2010, с. 454]. Одна из глав указанной книги посвящена источниковедческим особенностям «детских текстов», авторами которых являются сами дети, специфике функционирования их в культуре и проблемам интерпретации.

В «Истории елочной игрушки...» автор расширяет круг источников, способных рассказать о детях и детстве в разные исторические эпохи. Главным героем монографии стала новогодняя елочная игрушка – атрибут «самого главного праздника» Страны Советов. В монографии ее изучение находится на пересечении культурной биографии вещи, истории городской праздничной культуры и истории детства.

Монография вышла в издательстве «Новое литературное обозрение» в серии «Культура повседневности». В отличие от подобных серий других издательств¹¹ книги по «культуре повседневности» представляют собой серьезные научные исследования, вводящие в широкий оборот уникальные источники, открывающие читателю новый круг проблем и т.д.¹² Поэтому «История елочной игрушки, или Как наряжали советскую елку» – исследование, выходящее за рамки ознакомительного труда о елочной игрушке. Это насыщенное описание ее культурной биографии, которая чаще всего оказывалась в тени истории елки¹³.

Большая часть повествования посвящена елочным игрушкам советского периода, наполненного поисками эффективных проводников советской идентичности. В этом просматриваются и исследовательские, и, возможно, личные предпочтения А.А. Сальниковой. Однако трудно написать историю советской елочной игрушки, вырвав ее из общеисторического и культурного контекста, поэтому повествование начинается с момента появления первых немецких игрушек в России и доводится до наших дней. Автор сознательно исключил из текста анализ целых десятилетий – 1960–1980-х гг., сосредоточив внимание на 1930–1960-х. Такая стратегия объяснима – показать расцвет самобытной советской елочной игрушки, который завершается во второй половине 1960-х гг., когда производство елочных игрушек становится поточным.

Книга состоит из шести глав. В каждой главе автор сосредотачивает внимание на культурных практиках, смыслах и значениях, связанных с елочной игрушкой в отечественной культуре, на их трансформации в разных исторических контекстах и коллективной памяти. Более 100 анкет, вос-

поминаний, эссе на тему «Елка и елочная игрушка моего детства» отражают не только эмоциональный колорит эпохи, но и позволяют выявить особенности восприятия елочных украшений. Ведь елочные игрушки были носителями информации об окружающем мире и формировали представления о нем.

Более подробно текстологические особенности елочной игрушки и ее восприятие автор описывает в главе «Советская елочная игрушка как текст: проблемы “написания”, “прочтения” и интериоризации». Елочная игрушка – это особый тип нарратива, массовый по своему характеру: и по тиражированию, и по своим источниковедческим характеристикам (например, по стандартизованности). Ей всегда приписывались смыслы и значения, связанные с праздничным, «волшебным» пространством елки, независимо от того, какой она была: официальным изделием или самодельным образцом с приватными установками и ценностями. Елочная игрушка – однородный визуальный текст, который при внешней фрагментарности каждого из его высказываний составлял на елке целостное повествование. В нем не было ничего случайного, чужеродного, вопреки методическим рекомендациям Наркомпроса не делать связного игрушечного сюжета на елке.

Прочтение елочной игрушки детьми отличается от восприятия взрослыми. Новый год, несмотря на свое пограничное состояние, все-таки воспринимается как детский праздник. Взрослые же делают все, чтобы эту праздничную атмосферу поддержать в сознании ребенка. Для него елочная игрушка – «волшебный предмет», попавший в мифологичное пространство елки.

Детские стратегии прочтения визуальных текстов напрямую связаны, по мнению автора, с проблемой изучения ребенка как продукта визуального конструирования и субъекта визуальной культуры. Визуальное является основным способом познания и приобщения ребенка к окружающему миру. А.А.Сальникова полагает, что детские рисунки наряду с воспоминаниями могут стать уникальным материалом для анализа восприятия и освоения детьми новогоднего елочного текста.

Монография насыщена фактами, событиями, личными историями, интерпретациями, поэтому очевидно, что некоторые тезисы могут вызывать возражения или вопросы. Автор отмечает, что советская елочная игрушка, отличавшаяся от дореволюционной идеологической заданностью, – это успешный властный проект, направленный на формирование советской идентичности. Однако насколько успешной была его интериоризация взрослыми и детьми? Ведь только к середине 1950-х гг. советская елочная игрушка стала в СССР повсеместным явлением. До этого момента их производством занимались кустари. Даже внедрение советских елочных украшений в виде колхозников, полярников и других героев советской культуры в праздничное публичное пространство елок в школах, дворцах пионеров, городских парках, на улицах и площадях оставляло лишь общее впечатление. Кроме того, судя по воспоминаниям, значительную часть украшений на елке составляли «аполитичные» самодельные игрушки, а празднование Нового года в семьях обеспечивало возможность деполитизированного проведения свободного времени. С другой стороны, советскую елочную игрушку сопровождало огромное количество новогодних литературных текстов для детей, методических рекомендаций по украшению елки и празднованию Нового года, что в определенной степени облегчало продвижение елочной игрушки как «блестящего воспитателя». Тем не менее, А.А.Сальникова признает, что трудно понять на основе комплекса источников, которым она располагает, как «блестящий воспитатель» влиял на усвоение новых политико-культурных, поведенческих и ментальных стереотипов [Сальникова, 2011, с. 161].

Проблема детских текстов, текстов для детей и о детях была вынесена А.А.Сальниковой и ее коллегами на обсуждение в рамках международного круглого стола «Детство в научных, образовательных и художественных текстах. Опыт прочтения и интерпретации», прошедшего 11-12 ноября 2010 г. в Казанском (Приволжском) федеральном университете. Этот круглый стол стал очередным мероприятием в рамках постоянно действующего международного научного семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». По итогам обсуждений был издан сборник научных статей и сообщений «Детство в научных, образовательных и художественных текстах. Опыт прочтения и интерпретации» под редакцией А.А.Сальниковой.

Тема круглого стола предполагала выяснение и детализацию понятий «тексты о детях», «тексты для детей» и «детские текст». Исследователям было предложено поразмышлять о разных типах текстов, способах репрезентации в них детства, о текстологических особенностях этих источников.

Сборник поделен на три части. В первой части – «Детство в учебных, научных и дидактиче-

ски текстах» – представлены статьи и сообщения ведущих российских и зарубежных исследователей детства – О.Е.Кошелевой, В.Г.Безрогова, Б.Эклофа и др. В центре их внимания – тексты XVII–XIX вв.

О.Е.Кошелева размышляет о видовых, содержательных и структурных особенностях школьных азбуковников XVII в., утверждая, что школьный азбуковник не является источником свидетельств о реальной школьной практике. В их основе находится логика и представления людей своего времени о том, какой школа должна быть. В.Г.Безрогов в статье «Дети и религия в учебниках XVIII в. для начальной школы» показал, как процессы секуляризации отразились на содержании немецкоязычных учебных текстов.

Американский исследователь истории русской школы Б. Эклоф поднимает в своей статье вопрос о том, являются ли школьные тексты окном в историю детства в России. Отвечая на него, он напоминает, что до сих пор история школы и не входит в число основных направлений «большой» истории. Чтобы изменить ситуацию, Эклоф представил список опубликованных источников по российской дореволюционной школе с краткой характеристикой каждого вида (общая библиография, настольные книги для учителей, земские обследования, материалы различных конгрессов по обучению и воспитанию, периодика, воспоминания учителей и т.д.).

А.Б.Лярский исследует источниковедческие возможности изучения календарей для школьников второй половины XIX в. – начала XX в. с целью реконструкции представлений взрослых об особенностях школьной жизни. Чтобы понять, насколько они соответствуют школьной реальности, автор сопоставляет сюжеты календарных рассказов и рубрик календаря с воспоминаниями современников. Как отмечает исследователь, понимание того, насколько адекватными были эти представления, позволит измерить потенциал взаимопонимания взрослых и детей, который является основой как диалога, так и конфликта между ними.

Также в первой части сборника представлены история создания, текстологические особенности татарского букваря рубежа XIX и XX вв. (Д.М.Галиуллина), школьных учебных программ Государственного ученого совета Наркомата просвещения СССР (А.Р.Ахметова), репрезентация первоклассника и школьной среды в немецких и российских букварях (Венделин Срока), образы младенчества в пособиях для родителей (А.А.Ожиганова).

А.А. Ожиганова прослеживает постепенный процесс «открытия» младенчества на материалах пособий по уходу за ребенком XVIII–XX вв.: становление и развитие педиатрии, начало распространения тотальной медикализации младенчества, превращение семьи с ее домашними практиками ухода за детьми в соперника и конкурента официальной медицины. Последствия этого процесса можно увидеть в новом статусе младенцев – современные молодые мамы не боятся показывать обществу своих грудных детей.

Продолжает тему медикализации детства Н.А.Черняева. Она пишет о повороте в советской культуре 1930-х гг., в ходе которого стало проявляться недоверие официальной медицины к домашним практикам ухода за ребенком. Матери в уходе за детьми должны были подчиняться нормам гигиены, принятым в медицинских и детских учреждениях. Расширение сферы компетенции медицины и ее контроля за каждым отдельным ребенком стало проявлением усилившегося внимания государства к трудовым ресурсам, количеству и качеству рабочей силы в условиях продолжающейся индустриализации. Основными источниками для этих выводов служат популярные издания по уходу за ребенком и воспитанию детей в семье, постановления и другие законодательные акты, принятые Наркомздравом СССР.

Занимательная рефлексия на тему собственного сочинения представлена И.В.Нарским в статье «Рефлексии о рефлексиях, или Детские истории взрослого историка». Автор размышляет о своем опыте исследования и написания труда «Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство» (2008)¹⁴. Книга имела большой публичный резонанс, привлекла внимание необычностью жанра – труд на пересечении исторического исследования, художественной литературы, исповеди, воспоминаний. Размышления автора в статье касаются общих проблем создания и изучения детских текстов, а также стратегии репрезентации детства в историческом исследовании. К детским текстам автор относит взрослые воспоминания о детстве, которые составляют треть материалов, исследованных им. При этом он осознает, что эти воспоминания не являются аутентичными детским. Данный факт не может быть препятствием для исследователя, поскольку обращение к своим воспоминаниям ставит историка в особую позицию – этнографа соб-

ственного детства, одновременно участника и свидетеля события. Историк обязательно должен пользоваться этим преимуществом. Личный опыт, индивидуальная память, по мнению И.В.Нарского, могут стать эффективным инструментом в исследовательском арсенале.

Во вторую часть сборника вошли мемуарные, художественные и визуальные тексты, репрезентирующие детство. На основе мемуаров реконструируется повседневность бывших воспитанников частных пансионатов и школ на рубеже XVIII и XIX вв. (С.А.Фролова), жизненный мир такой маргинальной группы детей, как дети-артисты, на рубеже XIX и XX вв. (О.И.Фельдштейн). На материале изданий для детей о Ленине исследовательница Ю.Г.Салова прослеживает трансформацию его образа в литературе 1920-х гг.

В этой же части представлены два текста о внешкольном времяпрепровождении детей и подростков, отражающие советский и современный российский музейный опыт. Известная британская исследовательница К. Келли использует музейные тексты, в том числе тексты экскурсий и их обсуждение на заседаниях методического совета Ленинградского музея этнографии, для изучения особенностей работы со школьной, детской аудиторией в 1930–1980-е гг. Она отмечает, что этнография детства в экскурсиях затрагивалась крайне редко, в лучшем случае в качестве пролога. Музей не собирал целенаправленно детские материалы, несмотря на активное и успешное привлечение школьников к работе музея, например, в роли экскурсоводов. Ситуация немного меняется в 1960–1980-е гг. Формируется иной подход к детской музейной аудитории, когда во время экскурсий стали использоваться игровые приемы. Но по-прежнему экскурсии должны были отвечать школьной программе и воспитывать советский патриотизм.

В рамках тематики, затронутой К.Келли, исследовательница Л.С.Тимофеева рассматривает тексты для детей в современном музейном пространстве. Для привлечения детей в музеи «взрослую» музейную экспозицию, не меняющуюся в некоторых российских музеях десятилетиями, адаптируют к возрасту и интересам ребенка. Помимо этикеток–аннотаций к музейным предметам, объясняющих ребенку доступным языком, что это за предмет и какова его история, сегодня крайне популярны игровые путеводители и маршрутные листы. Это интерактивные путеводители по существующим в городе музейным экспозициям. Они объединены общей легендой в рамках игры-путешествия для всей семьи. В Санкт-Петербурге такой проект под названием «Детские дни в Петербурге» осуществляется ежегодно с 2006 г., в Москве проект «Семейное путешествие» – с 2008 г. В 2012 г. собственный проект игры-путешествия по главным музеям города «На старт, внимание, в музей!» разработали и осуществили в Перми, впервые за пределами двух столиц.

Прочтению художественных текстов для детей и выявлению в них образов детства посвящена статья О. Бухиной «Маленький американец: портрет в переводе». Она предлагает обзор популярной американской литературы для подростков, переведенной в СССР в 1950–1970-е гг., и выявляет черты собирательного образа маленького американца, представленного в ней. Несмотря на политизированность отбора переводной литературы, этот образ-портрет оказался весьма привлекательным.

Анализируя современную американскую литературу для девочек, рекомендованную к прочтению специальными изданиями, педагогами, журналистами, отмеченную престижными премиями, М.В.Золотухина выделяет гендерные сюжеты, в которых отражены «правильные» установки для девочек. Она отмечает, что в них не пропагандируется какая-то особая, предпочтительная роль девочки/девушки, предоставляется свобода выбора, которая в первую очередь не должна противоречить общечеловеческим ценностям.

Третья часть сборника посвящена «детским текстам», их разновидности и специфике. Важность этого вида источника для реконструкции детской жизни признается всеми авторами. Этот раздел, наверное, можно назвать ключевым в сборнике, ведь для воссоздания детского мира нужны именно тексты, принадлежащие детям. Однако в этой части в сравнении с другими представлено незначительное количество статей, что свидетельствует о проблемах поиска, отбора, изучения «детских документов» в России.

В статье А.А. Сальниковой «"Детское письмо" и его специфика» детское письмо концептуализируется и помещается в российский культурно-исторический контекст. Детское письмо фиксирует стремление к взрослому письменному канону и одновременно тяготение к закреплению детского речевого стандарта, поэтому подобное письмо является маргинальным по своему характеру. Взрослое постепенно вытесняет детское из культуры письма. Автор отмечает, что детское письмо

присутствует в детском мире и как результат, и как средство, и как процесс, который контролируется взрослыми в ходе социализации. Оно может быть спровоцированным взрослыми и спонтанным, но и в последнем случае нельзя отрицать возможности взрослого влияния. Детское письмо, как замечает Сальникова, является целостным феноменом, понимание «самости» которого возможно при условии вхождения в языковое поле ребенка и умении увидеть, оценить, а затем понять и принять языковые картины детского мира.

И.П. Кулакова рассматривает такую форму самопрезентации в подростковой ученической среде, как «заветные» тетради – тетради с выписанными текстами, на примере анонимной тетради второй половины XIX в. На основе этого источника автор прослеживает путь читательской социализации, эволюцию круга интересов и чтения взрослеющей девушки, формирование критических настроений в среде молодежи.

Мало изученный и представленный в исторических работах источник по истории детства – детский рисунок. Л.А. Сыченкова рассматривает интересный опыт прочтения детского рисунка – исходя из концепции изучения его как модели эволюции изобразительного мышления человечества. Создателем концепции был искусствовед, директор Государственного института истории искусств в Ленинграде Ф. Шмит. Суть ее заключалась в том, что дети последовательно осваивают те же шесть художественно-пластических проблем, что и человечество предшествующих эпох: проблемы ритма, формы, движения, композиции, пространства и света. Концепция не получила дальнейшего развития, как и другие научные детские изыскания в этой области, возможно, в связи с начавшейся в середине 1930-х гг. борьбой с «педологическим извращениями».

Дети могут создать самые разные эго-документы в зависимости от возраста. Дневник ребенка начинается писать, когда осознает свое «Я» или хочет понять себя, разобраться, зафиксировать начало осознанной жизни. Дневниковые записи чаще всего ведут подростки, которые отдают себе отчет в своих словах, фиксируя как собственные, так и взрослые суждения, эмоции. Дневниковые записи девушки, сделанные в 1953 г., находятся в центре внимания Т.П. Крашенинниковой. Автором дневника является семиклассница из г. Березники Молотовской области. Исследовательница отмечает, что в нем отражены два мира, два языковых стиля: повседневный мир школьницы и мир взрослых – мир большой политики, отраженный в записях, близких к газетным штампам.

А.С. Ляшок также обращается к дневниковым записям девушек, чье детство приходится на 1990-е гг. Автор исследует то, как детские нарративы (личные дневники, анкета для друзей, гадалка для друзей и др.) позволяют конструировать феномен детства в социокультурном контексте 1990-х гг. Через «детские тексты» дети становятся носителями своеобразного «детского дискурса детства», репрезентирующего детскую реальность через категории и смыслы самих детей.

В сборнике исследуются самые разнообразные тексты, но не представлен анализ и интерпретация материалов устной истории. Однако их значимость для изучения истории детства бесспорна. Отсутствие детских текстов может быть компенсировано устными воспоминаниями. Безусловно, память взрослых о детстве идеализирована, независимо от того, каким было это детство [Сальникова, 2007, с. 70]. Но и источники, созданные детьми, могут точно так же вводить в заблуждение, как и созданные взрослыми – детьми в прошлом [Город в табакерке, 2008, с.9].

Самые разнообразные виды источников могут содержать информацию о детской жизни в прошлом. Исследователь должен уметь находить и выбирать те из них, которые особенно важны для истории детства; уметь ставить вопросы, отыскивать ответы, уметь различать и интерпретировать голоса детей прошлого в исторических свидетельствах.

К числу «детских источников»/«детских документов» чаще всего относят те из них, которые созданы детьми. Так как их мало, то любое историческое свидетельство из «взрослой» жизни о детях и детстве может быть также отнесено к «детским источникам», например, отчеты, докладные записки и другие официальные документы о работе детских учреждений, воспоминания, дневниковые записи взрослых о детях, интервью, законодательные, делопроизводственные документы, статистика, периодика и др. Составной частью «детских источников» являются те свидетельства, тексты (чаще всего это тексты-воспоминания), которые созданы самими детьми и являются носителями, хранителями и трансляторами «детской» памяти [Сальникова, 2007, с.64]. Исследователи выделяют разные жанры детских текстов: школьные сочинения, рассказы, стихи, дневниковые записи, анкеты, письма, фольклорные тексты, детские рисунки, автобиографические «рассказы о себе», любительские фотографии и др. Многие из них относятся к источниковому полю таких гуманитар-

ных дисциплин, как антропология, педагогика и т.д., что подтверждает источниковедческую «всеядность» истории детства. Жанр детских текстов видоизменяется в зависимости от культурно-исторического контекста. Но их появление провоцируется взрослыми и отражает оценку взрослых, находящихся рядом с ними [Сальникова, 2007, с.67–68; Келли, 2008, с.39]. На первый взгляд, детские тексты кажутся простыми и даже примитивными. Но обязательно в каждом источнике можно обнаружить подтексты, смыслы, позволяющие увидеть и «большой мир», и отношение детей и взрослых друг к другу, и восприятие окружающего мира, даже если он замыкается кругом самых близких людей, семьи.

На сегодняшний день опубликовано несколько хрестоматий, антологий текстов и сборников документов по отечественной истории детства¹⁵. Это первые попытки собрать вместе разнородные документы и наметить границы источникового поля истории детства в России. В целом же ничто не ограничивает возможности, а главное – воображение исследователя, основанное на личном детском или семейном опыте, источниковедческом багаже разных гуманитарных дисциплин, в занимательном эвристическом поиске «следов» российского детства. И тогда елочная игрушка наряду с другими предметами и вещами, текстами из мира забытой детской повседневности превратится в источник, который содержит уникальную информацию о детской субкультуре, потребностях взрослых в воспитании подрастающего поколения, желаемых моделях поведения родителей и детей, об освоении и усвоении детьми мира, созданного для них взрослыми, и о многом другом.

Примечания

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Ребенок в изменяющейся России XX века: образы детства, повседневные практики, “детские тексты”», № 11-01-00345а

² Одной из таких дискуссионных площадок является международный семинар «Культура детства: нормы, ценности, практики», действующий на базе РГГУ и объединяющий исследователей из разных стран. В рамках семинара издаются сборники научных трудов и материалов. Более подробно см.: <http://childcult.rshu.ru>.

³ Специальные выпуски: Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2008. Вып.8; Неприкосновенный запас. 2008. Вып.2 (58) и др.

⁴ Библиографический указатель работ по истории детства (из фонда Научной библиотеки РГГУ) / сост. В.Г. Безрогов, О.Л. Шенягина. М., 2009.

⁵ Международная научная конференция «История детства как предмет исследования: наследие Ф.Арьеса в Европе и России (1–2 окт. 2009 г., Москва).

⁶ См., например: Виноградов Г.С. Страна детей: Избр. труды по этнографии детства. СПб., 2000.

⁷ Подтверждением признания можно считать появление специальных учебных курсов по истории детства в столичных и региональных вузах, например, в Москве, Казани, Перми.

⁸ В предисловии к антологии текстов «Город в табакерке» В.Г.Безрогов и К.Келли отмечают, что рискованно полагаться на архивные документы, особенно на материалы проверки детучреждений в послевоенные годы, поскольку система государственных инспекций была слабо развита, совершалась на «бумаге» малоквалифицированными сотрудниками.

⁹ Персональная страничка А.А. Сальниковой на сайте Казанского (Приволжского) федерального университета [Электронный ресурс]. URL: http://kpfu.ru/main?p_id=10559&p_type=1 (дата обращения: 25.10.2012)

¹⁰ В этом же году вышел фундаментальный труд по истории российского детства британского историка К. Келли (Kelly C. Children's world: growing up in Russia, 1890–1891. New Haven; London, 2007).

¹¹ Книжная серия «Живая история: Повседневная жизнь человечества» издательства «Молодая гвардия», выходящая с 1999 г.

¹² См.: Пастуро М. Дьявольская материя. История полосок и полосатых тканей: пер. с франц. О. Зубакиной. М.: Нов. лит. обозрение, 2008; Болонь Ж.-К. История безбрачия и холостяков: пер. с франц. О. Смолицкой. М.: Нов. лит. обозрение, 2010 и др.

¹³ См., например, специальный номер журнала «Отечественные записки», посвященный праздникам [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2003/1/> (дата обращения: 25.10.2012).

¹⁴ Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историко-графический роман). Челябинск, 2008.

¹⁵ Дети ГУЛАГа: 1918–1956 гг. / С.С. Виленский (и др.). М., 2002; Город в табакерке. Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990): антология текстов «Взрослые о детях и дети о себе»: в 2 ч. / сост. В.Безрогов, К.Келли, А.Пиир, С.Сиротинина. М.; Тверь, 2008; Дети города: Россия (вторая половина

XIX – начало XX в.): хрестоматия / отв. ред. Е.Г. Пономарев. Ставрополь, 2008; Деревенские дети России XIX – начала XX в.: хрестоматия / отв. ред. Е.Г. Пономарев. Ставрополь, 2009. Ч. 1.; Дети войны: 1941 – 1945 гг. (антропологический аспект): хрестоматия / отв. ред. Е.Г. Пономарев. Ставрополь, 2011 и др.

Библиографический список

Библиографический указатель работ по истории детства (из фонда Научной библиотеки РГГУ) / сост. В.Г. Безрогов, О.Л. Шенягина. М., 2009.

Город в табакерке. Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990): антология текстов «Взрослые о детях и дети о себе» / сост. В.Безрогов, К.Келли, А.Пиир, С.Сиротинина. Ч.1. 1890–1940. М.; Тверь, 2008.

Детство в научных, образовательных и художественных текстах: опыт прочтения и интерпретации: сб. науч. статей и сообщений / сост. и отв. редактор А.А.Сальникова. Казань, 2011.

Зеленина Г. От скудости эмоций к скудости источников: полувековой путь детских исследований [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/10/03/zelenina/> (дата обращения: 18.10.2012).

Келли К. Об изучении истории детства в России XIX–XX вв. // Какорея. Из истории детства в России и других странах: сб. статей и материалов. М.; Тверь, 2008.

Сальникова А. История елочной игрушки, или Как наряжали советскую елку. М., 2011.

Сальникова А.А. Российское детство в XX в.: история, теория и практика исследования. Казань, 2007.

Эклоф Б. Рец. на кн.: Kelly C. Children's World: Growing up in Russia, 1890–1991 // Антроп. форум. 2010. № 12.

Дата поступления рукописи в редакцию 12.10.2012

ENTERTAINING STUDYING OF PRIMARY SOURCES: HISTORY OF CHILDHOOD

M. V. Romashova

Perm State University, Bukireva st., 15, 614990, Perm, Russia
romashovka@mail.ru

The author reviews some researches in history of childhood published in 2011. Special attention is paid to the issues of primary sources represented in the reviewed works.

Key words: history of childhood, children's sources / documents, children's texts, texts for children / about children, Christmas decorations.

References

Bibliograficheskij ukazatel' rabot po istorii detstva (iz fonda Nauchnoj biblioteki RGGU) / sost. V.G. Bezrogov, O.L. Shenyagina. M., 2009.

Gorod v tabakerke. Detstvo v Rossii ot Nikolaya II do Borisa El'tsina (1890–1990): Antologiya tekstov «Vzroslye o detyakh i deti o sebe» / sost. V.Bezrogov, K.Kelli, A.Piir, S.Sirotinina. Ch.1. 1890-1940. M.;Tver', 2008.

Detstvo v nauchnykh, obrazovatel'nykh i khudozhestvennykh tekstakh: opyt prochteniya i interpretatsii: sb. nauchnykh statej i soobshchenij / sost. i otv. redaktor A.A.Sal'nikova. Kazan', 2011.

Zelenina G. Ot skudosti emotsij k skudosti istochnikov: poluvekovoij put' detskikh issledovaniij [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/10/03/zelenina/> (data obrashcheniya: 18.10.2012)

Kelli K. Ob izuchenii istorii detstva v Rossii XIX–XX vekov // Kakoreya. Iz istorii detstva v Rossii i drugikh stranakh: sb. statej i materialov. M.; Tver', 2008.

Sal'nikova A. Istoriya elochnoj igrushki, ili Kak naryazhali sovetskuyu elku. M., 2011.

Sal'nikova A.A. Rossijskoe detstvo v XX veke: istoriya, teoriya i praktika issledovaniya. Kazan', 2007.

Eklof B. Rets. na kn.: Kelly C. Children's World: Growing up in Russia, 1890–1991 // Antropologicheskij forum. 2010. № 12.